

УРАЛЬСКИЙ КАМНЕРЕЗ

ПРОЕКТ. В конце 19 века в наших селах стали обрабатывать редкий камень селенит. Работали артели, товарищества, в советские годы – комбинат «Уральский камнерез». Ординские камнерезы по-прежнему умеют вдыхать в камень жизнь.

Фантазия пишет мир

Мэтр камнерезного искусства Анатолий Овчинников мыслит в камне

Светлана Перминова, фото автора

Династия камнерезов Овчинниковых известна далеко за пределами Ординского округа. Прославил свой род и одарил талантом детей и внуков Анатолий Моисеевич Овчинников.

МОИСЕИЧ

Признаться, поначалу было страшно. Не представлялось, как подступиться к живой легенде, мэтру камнерезного промысла, имени мирового значения? Тем более когда написано о нём много и хорошо.

Забьлось, как на самом деле тепло и комфортно рядом с гениями. А ответ их таланта будто падает на тебя – и вот вы уже практически родные люди. Словом, художника оправданно в творческой среде уважают – ласково зовут «Моисеичем».

Мастерская у Анатолия Овчинникова необычная: это и личный кабинет хозяина, где хватит места гостям, и собственно мастерская, и убежище творца. Со множества полок по периметру комнаты кто с любопытством, кто сурово, а кто снисходительно – взирают четырёхлапые и двукрылые лесные обитатели.

Даже беглого взгляда достаточно, чтобы понять: перед тобой настоящие произведения искусства.

РАЗМЕР НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ

Анатолий Моисеевич рассказывает, что в промысел пришёл случайно, не думал этим заниматься. Мальчонкой из любопытства бегал в артель, подглядывал за камнерезами – интересно. Приходил домой и ковырял ножом селенитовые кусочки, которых по отвалам вдоволь валялось. Да и как не ковырять, ежели в Красном Ясыле ископан веку все камни резали?

– Если честно, я плохова-

то учился в школе. Когда закончил семь классов, учителя не знали, куда меня деть, смеётся Анатолий Моисеевич. – Я рисовать любил. На уроках рисования изображали простые предметы: рубанок, ложку, чашку... А я рисовал каких-то богатырей, мускетёров. Увижу где-то картинку, фантазия работает – дорисовываю. У меня в тетрадах по предметам только первые странички были, а дальше – всё рисунки.

Помимо страсти к рисованию у Толи Овчинникова была любовь мастерить что-нибудь своими руками. По-видимому, школьные учителя облегчённо выдохнули, когда парень подался в кунгурское ремесленное училище. Впрочем, тут же вздрогнули: опоздал – приём закончился. Тогда классный руководитель Мария Владимировна решительно повела Анатолия в кунгурскую камнерезную школу. А там во всю приём идёт.

В приёмной комиссии посоветовали к руководству обратиться. И тут по случайной случайности вышел из кабинета преподаватель камнерезного дела Александр Фёдорович Бутаков, уроженец Красного Ясыла. Услышал знакомую фамилию. Расспросил Анатолия, оказалось, вместе с его отцом в финскую служил.

– Говорит: «Попробуй. Сдашь рисунок – возьмём», – вспоминает Анатолий Моисеевич. – Для задания дали композицию из геометрических фигур и большой лист бумаги. Я смотрю: здоровый лист. Я в уголке сверху и нарисовал – что я буду портить такой красивый лист? Рисую, значит, а в открытое окно класса голова мальчишки высовывается: «Ты что делаешь? Рисуй во весь лист!». Я ему говорю: «Зачем я буду бумаги портить так много?». Он за голову схватился и рукой махнул. Входит в кабинет преподаватель и заулыбался: «Ты чего в уголке-

то нарисовал?». Я ему снова объясняю, что ни к чему столько бумаги портить – на ней вон сколько всего потом нарисовать можно... «Ну, всё с тобой ясно», – только и сказал.

ГНУТЬ ОТСЕБЯТИНУ

Утверждение, что размер не имеет значения оказалось справедливым и для искусства: одарённого мальчишку-фантазера приняли в камнерезную школу без дополнительных испытаний.

– Когда я пришёл на следующий день в училище и увидел все эти античные гипсовые скульптуры, думаю: ё-моё, неужели я тут учиться буду?! Неужели я так смогу рисовать, так же лепить?! – вспоминает художник. – В общем, вся дурь из меня сразу ушла. Я выплеснул, что это моё, что я никогда это не брошу. С этого и началось. И тут меня понесло...

Пришёл Анатолий Овчинников в камнерезную школу, по его словам, троечником и лоботрясом, а закончил круглым отличником, мастером самого высокого, сельского, разряда. Вернулся в 1956 году в родное село, устроился в камнерезную артель резчиком-копиистом. Но «копиист» – это не про Овчинникова с его безудержной фантазией.

– Сразу душа к этому не лежала, хотелось всё по-своему делать – фантазия работала, – рассказывает мастер. – Мне белку дадут, я посмотрю: что это? Совсем не белка – окаменевшая какая-то, скучная, вялая, жирная... Вот и начал переделывать. Мастер-контролёр придёт: – Ты что сделал? Вот модель! Ты должен скопировать от и до, а не гнуть отсебятину!

– Так белка-то моя хуже или лучше? – Ну, пусть лучше. Но она же не по модели, я не приму. Иди к главному художнику.

В то время главным художником была Евгения Ильинична Львова, выпускница знамени-

го Московского художественно-промышленного училища им. Калинина. Каждый раз она по достоинству оценивала работы молодого мастера. Ставила свою подпись.

ЖАДНЫЙ ДО ТВОРЧЕСТВА

В конце концов не выдержал Анатолий Овчинников, надоело «грешить» – ушёл работать «водителем кобыль». Возил на лошадах камень для артели. А через полгода там организовали первую творческую экспериментальную мастерскую. Руководила ею Евгения Львова. Она и пригласила подающего большие надежды художника в группу разработчиков новых моделей для производства. По их образцам комбинат работал до 90-х годов.

С того момента, с 1956 года, началась у Анатолия Овчинникова богатая творческая жизнь.

Он никогда не пресыщался, с жадностью поглощал всё, что пригодится в творчестве. Ещё в училище «тёрся» около преподавателей – Александра Ивановича Дроздова, Александра Фёдоровича Бутакова, Константина Ивановича Олешкевича – слушал и учился. Позднее учителя и ученик сдружились.

Анатолий Моисеевич много занимался самообразованием, учился в НИИ художественной промышленности, набирался опыта из литературы. Выставки, общение с коллегами, семинары подпитывали, обогащали опытом.

ЧТО ВИЖУ – ТО ПОЮ

Анатолия Овчинникова называют родоначальником стиля. Почему и какого стиля?

– Потому что я анималистической занялся, – объясняет художник. – Раньше-то больше утилитарные вещи делали – шкатулочки, коробочки, вазочки, пудренички. Скульптуру резали, но мало. Я, видимо, акцент на

этом сделал, и пошло развиваться. В жилу попал просто.

Это на словах у мастера всё просто. А прежде чем скульптуру животного резать, нужно досконально его анатомии знать. Анатолий Овчинников изучал её непосредственно на животных. Мужики-охотники раньше какого зверя подстрелят или уже мёртвым обнаружат – сразу Моисеича зовут. Он до косточки изучит. Да и сам раньше охотился, а с годами жалеть стал лесных жителей.

Зато знает художник как у кого лапка сгибается-разгибается. Ему ничего не стоит изобразить животное бегущее, присевшее, крадущееся...

– Всё увиденное в природе меня вдохновляет, – признаётся Анатолий Моисеевич. – Я как чучка – что вижу, то пою. Идёшь по лесу, заметил птичку – вот, надо запомнить поворот головки. Или на рыбалке: рыба так, рыба этак... Что меня окружает, то меня и подпитывает. Телевизор тоже. Например, Африку показывают. У нас же не встретишь африканских зверей. Запоминаешь характерное, образное, силуэтное. Понемножку откладываешь, в голове держишь. То есть воплощаешь в итоге некий собирательный образ из рассмотренных моментов.

– Вообще, работа может долго сидеть в голове. Нельзя ведь слуду всякую ерунду говорить, нужно, чтобы образ сформировался, созрел, на душу лёг. И тогда уже походя делаешь, – делится мастер. – Раньше скульптуры сначала в глине лепил. Пробовал в одном движении, в другом. Потом выбирал. Сейчас не леплю – зарисовываю.

Анатолий Моисеевич из вороха бумажных листов, каких-то клочков выуживает страничку отрывного календаря, на оборотной стороне которой запечатлены тридцать три белки в самых разнообразных позах и ракурсах. Наиболее удачные, «живые», на его взгляд, обведённые-помечены.

ИМЯ – ЭТО ЧЕСТНОСТЬ

Сразу замечая, сколько этих листочков-клочков в мастерской. Не дремлет пытливая фантазия художника.

Любимые персонажи Анатолия Моисеевича – пластичные животные: горностаи, соболы, куницы. Их он чаще всего изображает в разных вариациях.

– Я люблю пластику движения, – признаётся мастер. – А окаменевшие, монументные образы не очень часто изображаю. Хотя в некоторых работах от компактности, скуности образности только выиграет.

Разумеется, Анатолий Овчинников творит не только в жанре анималистики. У художника много работ в самых разнообразных стиливых и жанровых направлениях.

Вот, например, изогнулись грациозно женские фигуры из белоснежного гипса.

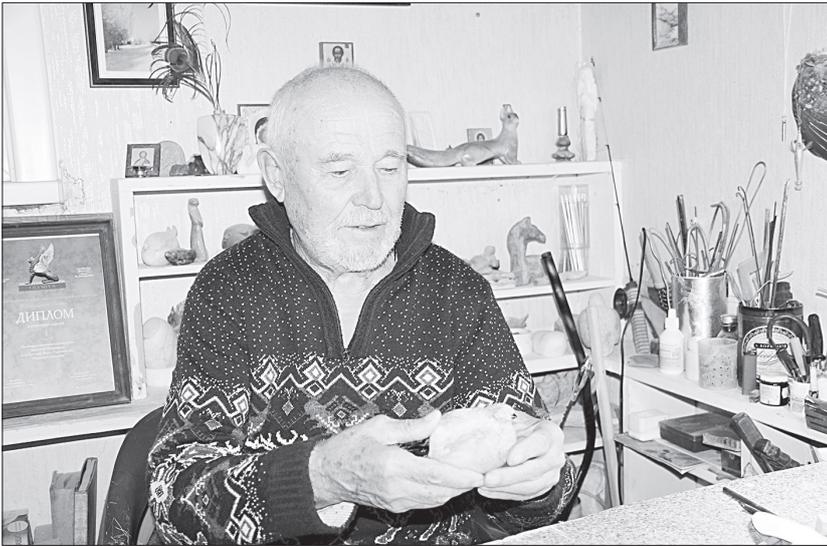
– Вы людей с натуры режете? – интересуюсь чуть ехидно.

– Да нет, всё это видно ведь... Всё в голове уже. Не вижу, так дофантазирую, – смеётся мастер.

У каждого художника свой рецепт успеха. Почти год мы

Редакция газеты «Верный путь» при поддержке министерства цифрового развития РФ реализует медиапроект «Уральский камнерез». Мы рассказываем о том, как живут и развиваются традиции камнерезного промысла в Ординском округе.

УРАЛЬСКИЙ КАМНЕРЕЗ

Любимое место художника в мастерской – рабочий стол. А за ним – окно.

тщетно пытались постичь секрет: как «смастерить» себе имя и войти в историю камнерезного промысла? В какую сторону двигаться, чтобы переплюнуть великого Моисеевича?

– Меня переплёвывать не надо, – возражает Анатолий Овчинников. – Просто надо начать делать честно, с пониманием, душевно отдаваться, и всё будет. Степан Кривощёков, Толя Овчинников, Сергей Нечаев, Виталий Гнатюк – прекраснейшие мастера. Они во многом, может быть, ушли дальше моего. Они нашли своё. Надо найти своё, честно выполнять дело, любить его, и всё пойдёт. Не надо никого переплёвывать. Уже все давно переплюнули. И наплевали, – смеётся Анатолий Моисеевич. – И я никого не хочу переплёвывать. И никогда не хотел.

НЕ РАЗМЕНЯТЬСЯ НА ГЕНИТАЛИИ (МОДУ)

Девяностые годы стали кризисными для художника.

– Начался распад. Всё оползало, разваливалось, – рассказывает Анатолий Овчинников. – Пришли на комбинат новые начальники и стали цинично ломать нас через колено. Ставили такие задачи и сюжеты, которые было стыдно воплощать. Не поверите, чуть ли не генитали требовали изображать. Я не смирился, в задир пошёл. Я ведь рассчитывал, что тут и умру, на производстве. До конца доработаю. (В то время Анатолий Овчинников уже долгое время был главным художником на «Уральском камнерезе» – прим. авт.) А надавили так, что просто не смог. Инсульт. Оздоровел, конечно, продолжил работать, а уже всё, не к душе. Встал и ушёл. А первым ушёл Сергей Нечаев.

– Ушёл и не пожалел, – вспоминает Анатолий Моисеевич. – Конечно, я переболел ужасно. Для меня это была страшная трагедия – лишиться всего, что я своими руками выпестовал. Ушёл так, чтобы не показываться на заводе. Сделал себе конуру, засел в неё. Стал работать для себя. И у меня новая волна пошла! Думаю: чё ж я столько времени убил? Ложился, кривлялся, подстраивался под производство. Мне же приходилось ломать себя. У меня фантазия сделать то-то и то-то, а мастером такое часто было не под силу воспроизвести. Поэтому

приходилось упрощать, в каком-то смысле кривляться, как придурку. Десятки лет на это убил... Хотя это упрощение, конечно, тоже пошло мне на пользу – я стал скучнее, сдержанней в своих работах. Они, может быть, интереснее стали.

СОТВОРИТЬ СВОЙ МИР

– А потом пошло-поехало, – продолжает художник. – Стал на зарубежные выставки ездить. В Мексику, Швецию, Норвегию, Голландию, Германию, на Кипр. Много раз за рубежом работать

предлагали. Но для меня где пуп обрезали – лучше всех. Я мир создал вокруг себя, и он меня подпитывает. Место, где жить, выбрал сам, дом практически сам построил. Сосны посадил – тут голый мыс был. Здесь у меня белочка жила три года, лисички заходят, сова однажды выводок принесла...

За окном мастерской качают мохнатыми ветвями вечнозелёные сосны, огораживая уютную усадьбу Овчинниковых от промозглой вездесущей серости. Ей здесь не место.

БЛИЦ

Что первично – идея или камень?

– У меня уже синтез образовался. Не могу разделить. Я мыслю в камне. Раз я материал знаю, то и образ под него создаю. Лежат кусочки камня передо мной, я хожу-хожу, смочу камень – он цвет проявит. И материал подсказывает, и образ в голове сложившийся – я уже камень подбираю. А иногда рисунок, силуэт камня подсказывает.

Камнерезный промысел – ремесло или искусство?

– Ремеслу научиться очень просто. Нужна только усидчивость. Можно величайшим мастером быть по исполнению. А вот искусство – это фантазия. Если Богушка прикоснулся к головушке, значит, пойдёт дело. Может быть, ты не научишься большому мастерству, будешь коряво делать. Но главное – у тебя будут появляться образы, проявится характерность животного, ты сможешь исполнить то, что заложил. А мастер-копиист, хоть и величайший, работает без фантазии, у него сухо всё, нет образа. Но иногда можно создать иллюзию, что ты хороший художник. А если творчество не дано тебе, ничего без дара не получается.

Ваша первая работа?

– Своей первой достойной работой могу назвать «Косулю». В первый же год работы на «Уральском камнерезе» она выставилась на всемирной выставке в Брюсселе ЭКСПО-56.

Самая быстрая?

– Бывало, во сне видел. До того в голове носишь-носишь. Уже образ сформировался, готов. Но я его ещё не пытался сделать. И вдруг во сне приходит чёткий образ. Всканиваешь как дурной, бежишь к столу, набрасываешь контур. А днём сажусь, беру камень и тут же сделал.

Самая долгая работа?

– Есть и такие. Бывает, туго идёт. Отложу, а она всё равно не идёт. А я не могу не довести до конца. Как можно бросить работу? Сядешь, приложишь усилия, может быть, где-то через себя перешагнешь. А как только отступишь – сразу пойдёт. Но есть незаконченные работы, думаешь о них, возвращаешься. Вот, например, жеребёнок у меня есть. Где-то лет десять ждёт. Что-то не угадывается в нём.

Камень живой?

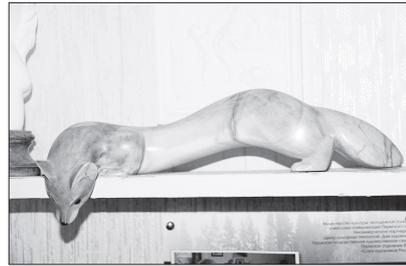
– Вот для меня кажется живой. Потому что рисунок его и многообразие говорят о том, что он живой и тёплый. Важно лишь угадать, что в нём скрыто.

Вы себя повторяете?

– Только если что-то недомыслил. Но даже если берусь копировать свои работы, меня всё равно уведёт куда-то, не будет буквальной копии.

Последняя работа?

– Все проданы. В последнее время я стал меньше работать. Только на заказ. Признаться, появились сомнения, а надо ли творить сейчас? Особенно в связи с военными событиями. Как говорится, когда пушки стреляют – музы молчат.

Куница, ангидрит, 2010

Такса, кальцит, 2010

Терьер, ангидрит, 2000

Чайка, ангидрит, 2014

Синичка гайка, ангидрит, 2005

Лисица, ангидрит, 2012

Больше фото работ мастера-камнереза Овчинникова смотрите во вкладке «Фотоальбомы» на сайте «Мой район» orda-gazeta.ru